

The image shows the cover of a book titled 'Бездна' (The Abyss) by Alexander Laptev. The cover has a textured, grey background. At the top, the author's name 'Александр ЛАПТЕВ' is printed in a simple, black, sans-serif font. Below the name is a complex, abstract drawing consisting of many overlapping, dark, scribbled lines that form a circular shape with a central point. At the bottom of the cover, the title 'БЕЗДНА' is written in large, bold, black, sans-serif capital letters.

Александр
ЛАПТЕВ

БЕЗДНА

Имя писателя Петра Поликарповича Петрова для Сибири и Иркутска имеет особую, хотя и трагическую, значимость. Именем Петрова названа не только улица в Иркутске. Его имя носит Иркутский Областной Дом литераторов. На доме в Иркутске, где жил и работал писатель, установлена мемориальная доска его памяти. Имя Петра Петрова носит школа в селе Партизанское Красноярского края, с которым писателя связывают биографические вехи. В судьбе этого писателя воплотились величие и трагедия эпохи, которая выпала ему на долю. И которую нельзя отделить от его творчества, потому что Петр Петров был одновременно и детищем, и жертвой своей эпохи. О судьбе этого писателя можно создавать филь-

мы и романы. Вот о таком романе «Бездна», написанном современным иркутским прозаиком Александром Лаптевым, мне и хочется рассказать.

Но сначала следует рассказать немного о человеке, ставшем прототипом главного героя романа «Бездна». Петр Поликарпович Петров был одним из выдающихся писателей, исповедовавших принцип социалистического реализма в отражении своей эпохи. Он был плоть от плоти своего времени, когда писатели были увлечены не только литературой, но и жизнью. Они не бегали от жизни, не наблюдали за ней, они жили ею. Уроженец Канского округа Енисейской губернии, природный крестьянин Петр Петров участвовал в гражданской войне в Сибири, от военной службы не лытал, в 1917 году был избран в первый Канский совдеп. Избирался делегатом Первого и Второго Всесибирского съезда Советов. Дважды делегировался в состав Центрального Исполнительного Комитета Советов Сибири. Будущий сибирский классик был делегатом Первого съезда писателей СССР в 1934 году, членом редколлегии журнала «Будущая Сибирь», членом правления Восточно-Сибирского отделения писателей, заведовал агитационным отделом партизанской армии. Состоял в переписке с «буревестником революции» Максимом Горьким... Был главным редактором газеты «Соха и молот», членом редколлегии журнала «Будущая Сибирь».

Как видим, насыщенность жизни и творчества этого человека поистине удивительны вплоть до момента, когда он был репрессирован и скончался в 1941 году. Посмертно, конечно, Петра Петрова реабилитировал Военный трибунал Забайкальского военного округа.

Путь в литературу у Петра Поликарповича Петрова начался с мемуарных статей о его участии в партизанском движении. Позже была поэма «Партизаны», опу-

бликованная в журнале «Сибирские огни», романы «Подсада», «Половодье», повести «Саяны шумят», «Крутые перевалы», «Памятная скала», посвященные теме гражданской войны. Роман Петрова «Борель» — это художественное осмысление периода новой экономической политики. Романы «Шайтан-поле» и «Золото» повествуют читателям о первой пятилетке. Последний роман «Ветошь» остался в рукописи...

Роман Александра Лаптева «Бездна» повествует о самом трагическом периоде жизни сибирского классика Петрова, выведенного в романе под фамилией Пеплова. Начинается книга со сцены ночного ареста писателя, с момента, когда его жизнь сделала крутой и трагический поворот. Но даже это не сломило писателя, привыкшего жить рискованно и не бояться смерти... Писателя, который поневоле, в силу натуры, не может даже в ситуации близости смерти отрешиться от наблюдений за поведением людей. Ведь в моменты опасности человеческая натура раскрывается с особой силой. Наблюдая за людьми, он не исключает и себя самого.

«Петр Поликарпович чувствовал себя каким-то винтиком, никчемной букашкой — так все вокруг было серьезно и внушительно. Эти чем-то озабоченные вооруженные люди, каменные стены и прочные решетки — подавляли какой-то незыблемостью, неотвратимостью. Совершалось что-то значительное и, вместе с тем, пугающее. Но что это было, он никак не мог взять в толк. И почему он по эту, а не по ту сторону решетки? Он вдруг поймал себя на мысли, что мог бы сейчас точно так же спешить по коридору с озабоченным видом. И он бы не сплеховал, ежели чего! Но его жизненный опыт, его смелость и решительность были теперь никому не нужны...».

Закон революции таков, что революция пожирает в итоге тех, кто ее делал. И на смену романтикам революции приходят прагматики, если не циники. А закон братоубийственной гражданской войны, начало которой было положено ещё убийством Авеля Каином, в том, что жертва и палач очень часто могут в мгновение ока поменяться местами, хоть и стоят по разные стороны баррикады. Это трагическое противоречие лежит в основе самых талантливых литературных произведений той эпохи и произведений, написанных о той эпохе.

В книге приведены цитаты из романов Петра Петрова, настолько точно и честно выписанные страшные сцены расстрелов, сцены поведения разных людей перед смертью и под расстрельным прицелом, неважно, будь ты генерал или священник, боящийся, что его расстреляют, предварительно раздев, или белогвардеец... Все эти характеры точно и честно выписаны Петровым, поскольку сам он — участник гражданской войны. И о том, о чем писал, знал не понаслышке.

События жизни и смерти сибирского классика настолько драматичны, что, как сказал поэт: «Тут ни прибавить, ни убавить — так это было на земле». Александр Лаптев поставил себе сложную задачу — во имя художественности не погрешить против документалистики. И сказать страшную правду о непростой эпохе сталинских репрессий, когда человек оказывался песчинкой вне зависимости от своих заслуг.

Автору «Бездны» понадобились годы упорных поисков, изысканий в архивах и музеях, годы пристального изучения обширного литературного наследия прототипа главного героя. Но подготовка к роману не ограничилась работой с документами. Александр Лаптев предпринял поездку на Колыму, чтобы на месте событий ощутить атмосферу эпохи, о которой ему предстояло рассказать читателям. Автор «Бездны» считал безусловно необходимым непосредственное общение с оставшимися

в живых свидетелями легендарной трагической эпохи. Непросто было, не впад в однолинейное обличительство, осмыслить непростую диалектическую художественную правду, что вращала колеса гражданской войны, в которой, как известно, победителей не бывает.

«Я кровь проливал за советскую власть, контру стрелял вот этой самой рукой», — говорит Пеплов в романе. К чести писателей «революционного призыва» (как и позже писателей военного призыва «сороковых-роковых»), они не были в чистом виде литераторами-сочинителями. Они были вовлечены в самую быструю-стремнину жизни, в самый ее водоворот. Это были люди с яркими и часто трагическими биографиями. До того, как прийти в литературу, они познавали жизнь в самом горячем и в самом непосредственном соприкосновении с ней. Да что там? Они были творцами этой самой жизни, о которой потом рассказывали читателям. Каждый из них приходил в литературу со своей темой, со своей биографией — выстраданной и прожитой. Этим людям было что сказать читателю, в отличие от многих комнатных домашних литераторов, которые видели жизнь лишь из окна собственного писательского кабинета.

До того, как воплотиться в роман «Бездна», судьба Петрова тревожила писателей-иркутян самых разных поколений. И будем честны, правда о судьбе этого писателя приходила к людям трудно, можно сказать, по крупницам. На подступах к этой правде оказывалось немало «заградотрядов». Вот что пишет Андрей Румянцев в своей книге «Валентин Распутин» из серии «Жизнь замечательных людей», изданной издательством «Молодая Гвардия». В 1962 году, к примеру, Валентин Распутин, к тому времени перешедший из редакции газеты «Советская молодежь» на должность редактора литературно-драматических передач Иркутской студии телевидения, вместе с другом, молодым журналистом-поэтом Сергеем Иоффе, подготовил телепередачу о Петре Петрове. В этой телепередаче Распутин и Иоффе использовали письма Петра Петрова из тюрьмы жене. На предварительном просмотре материала председатель Иркутского областного телерадиокомитета категорически запретил показывать многие моменты передачи, потребовав изъять их из видеоряда.

Не станем обсуждать чиновника, перестраховка — частое для советских чиновников занятие. Молодые авторы телепередачи изымать какие бы то ни было фрагменты из передачи также наотрез отказались, — продолжает Андрей Румянцев, — за что были уволены с работы. Молодые журналисты-писатели Распутин и Иоффе не смирились с цензурой и обратились к собственному корреспонденту газеты «Известия» по Восточной Сибири Леониду Шинкареву, который встал на их сторону и опубликовал статью, в которой, что называется, «продернул» председателя телерадиокомитета. Статью опубликовала газета «Известия», известная среди писателей и литераторов как «аджубеевская газета» (по фамилии главного редактора Аджубея, зятя генсека Никиты Хрущева). Обком партии с оглядкой на столь уважаемое издание объявил председателю Иркутского телерадиокомитета выговор и обязал восстановить уволенных авторов телепередачи о Петре Петрове на работе. Но ребята не сочли для себя возможным возвращаться обратно. Сергей Иоффе в итоге перешел работать в газету «Советская молодежь», а Валентин Распутин покинул Иркутск и переехал в Красноярск.

Из Иркутска-то Распутин уехал, однако тема трагической судьбы Петра Петрова не отпустила его. Однажды, спустя многие-многие годы, мы с Валентином Григорьевичем вернулись к этой теме. Было это в здании правления Союза писа-

телей России на Комсомольском проспекте в Москве. Распутин сказал: «Эдуард, к Петрову я возвратился пять лет спустя после этой истории с телепередачей, в 1967 году. Написал очерк о Петре Поликарповиче и опубликовал его...».

...И вот наконец написан роман «Бездна» — роман о судьбе Петра Петрова, имя которого носит Иркутский Областной Дом литераторов. Дом, где присутствие Петрова осязаемо, как присутствие эпохи, в которую он жил. Писатели занимают этот старинный особняк с 1972 года. В романе «Бездна» действие в самом начале происходит именно в этом писательском историческом здании. Хотя фактически в 1937 году, на момент ареста Петрова, иркутские писатели занимали другое помещение. Но художественная правда в данном случае не грешит против правды документальной, и «географическая» неточность в данном случае не принципиальна. Ведь «Бездна», по сути, не документальное, а художественное произведение. Как поясняет автор романа Александр Лаптев: «Главным для меня было не то, на каком стуле и в какой комнате сидел тот или иной человек, а главное — что он говорил и делал, и какова его судьба (в этом отношении я старался быть предельно точным). Роман или повесть предполагают художественный вымысел. Особенно когда посвящены событиям почти вековой давности, да еще происходившим за тридевять земель».

Предприняв в 2015 году поездку за художественной достоверностью на Колыму, к месту событий романа, автор романа «Бездна» Александр Лаптев проехал за полторы недели полторы тысячи километров по знаменитой Колымской трассе, побывал в тех местах, где располагались лагеря НКВД, в которых погибли тысячи людей. Такое путешествие в пространстве было путешествием и во времени. И тут уже географический фактор никак не назвать второстепенным. Как говорится, кто-то едет на «берег турецкий», а нашего брата-писателя медом не корми, а дай повидать Колыму! И что же обнаружил Александр Лаптев во время своего колымского путешествия?

«...лагерей нет в помине. Просто найти место, где они располагались — уже проблема. А уж о том, чтобы восстановить подлинную картину лагерной жизни, узнать о том, что думали и о чем говорили обреченные на смерть люди — об этом нечего и говорить. Все это приходится восстанавливать по косвенным признакам, по множеству рассеянных в самых разных местах публикаций воспоминаниях, а еще — по внутреннему чувству, которое подсказывает и мысли, и чувства, и поступки людей, которых мы никогда не увидим и ни о чем не спросим... Так писалась моя книга — вторая ее часть. А для написания первой части я использовал вполне реальные протоколы писательских собраний и протоколы допросов, которые сохранились в архивах — гражданских и ведомственных...»

...Думаю, стоит немного, для полноты картины, рассказать об истории дома, осененного именем и трагической судьбой Петра Петрова. В 1901 году купец второй гильдии Владимир Бревнов купил усадьбу на Почтамтской улице (ныне это улица Степана Разина) и построил двухэтажный особняк по проекту иркутского архитектора Бойкова. Дом, выстроенный в характерном для начала XX века стиле модерн, получил в народе название «дом со львами» (львиные морды на барельефе). Сегодня это здание признано архитектурным памятником федерального значения.

Когда осенью 2013 года я по приглашению Распутина приехал в Иркутск на праздник русской духовности и культуры «Сияние России», Валентин Григорье-

вич спросил: «Эдуард, ты успел побывать в нашем доме литераторов?..». Я ответил, что пока возможности такой не было, график встреч с читателями плотный и насыщенный. «Надо, надо побывать, тут близко, пойдем вдохнуть воздуха старины», — и Распутин повёл меня в Иркутский Дом литераторов им. Петра Петрова. Даже нуждающийся в ремонте, особняк произвел на меня огромное впечатление. Солидный и в то же время уютный! Огромное венецианское зеркало, которое было в особняке изначально, поистине легендарно лицами, что смотрели в него.

После того, как в 1917 году купцы Бревновы покинули свой иркутский дом, уехав в эмиграцию в Харбин, особняк недолго пустовал. Сначала там размещалось консульство Великобритании, а впоследствии дом «облюбовал» генерал-француз Жанен, участвовавший в гражданской войне в России в качестве представителя военной миссии Антанты. Бывал в том доме и наверняка смотрел в это легендарное зеркало Александр Колчак. А еще лейтенант морской пехоты и будущий президент США Дуайт Эйзенхауэр. Интересную историю рассказывает председатель правления Иркутского отделения Союза писателей России Юрий Баранов. В начале 60-х годов XX века должна была состояться встреча на высшем уровне главы СССР Хрущева с президентом США Эйзенхауэром. Эйзенхауэр выбрал местом встречи Иркутск. Говорят, проходя службу в Иркутске, молодой лейтенант Эйзенхауэр простудился и лечился в Иркутском военном госпитале, где у него приключился роман с сибирячкой-медсестрой. Видимо, воспоминания о молодости и натолкнули главу США на мысль побывать снова в Иркутске, словно в своей молодости.

Молодость есть не только у человека. Она есть у стран, она есть у революции. В молодости человек порой совершает импульсивные поступки, о которых впоследствии, повзрослев, порою жалеет. Молодость нашей революционной эпохи привела к гибели многих талантливых творцов литературы, которые, в свою очередь, посвятили себя революции и свято верили в ее идеалы, но всегда думая о том, какой братоубийственной враждой и погружением в какую бездну горя могут обернуться эти идеалы в применении к реальности. Роман Александра Лаптева «Бездна» напоминает нам о неискупаемой вине братоубийственной вражды на примере яркой и трагической судьбы Петра Поликарповича Петрова — талантливейшего сибирского словотворца, в произведениях и судьбе которого отражена эпоха, ставшая для писателя одновременно матерью и мачехой. Хорошо, что рано или поздно приходит время сказать о братоубийственной бездне гражданской войны — без умолчаний и лжи.